

3	Трудолюбие - 57,61%	Умение приспособиться к изменяющейся ситуации - 47,61%
4	Патриотизм - 52,39%	Свободолюбие - 46,96%
5	Доброжелательность - 51,3%	Общественная активность - 43,26%

Вопрос этнической самоидентификации в последние десятилетия значительно обострился, что связано с современными глобализационными процессами, с усилением влияния средств массовой коммуникации и информации, с нарушением привычных культурных связей, со стандартизацией социокультурной сферы. Важную роль в процессе воспитания патриотизма играет государственная идеология. Если государство устраняется от решения этой проблемы, то общество оказывается без «руля и ветрил», в умах людей образуется вакуум. Причем последний быстро заполнит чуждая нам шкала ценностей.

Все это говорит о необходимости совершенствования всего комплекса идейно-воспитательной работы вообще и патриотической, в частности, с учащейся молодежью; повышения квалификации тех, кто занимается воспитательной работой, увеличения количества и качества историко-культурных, аналитических, просветительских передач на телевидении.

Список использованной литературы

1. Бромлей, Ю.В. Человечество – это народы / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный. – М.: Мысль, 1990. – 391 с.
2. Словарь по этике /Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона.– 6-е изд.– М.: Политиздат, 1989.– 447с.
3. Шантыр, Ф. Патрэбнасць нацыянальнага жыцця для беларусаў і самаадзначэння народу / Ф. Шантыр.– Слуцк: Друкарня З. Барнака, 1918.– 21 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.)

Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, edw.ru@yandex.ru

Цель статьи – раскрыть методологические основы интерпретации октябрьских событий 1917 г.

Ключевые слова: историческое сознание, революция, государственный переворот, интерпретация прошлого.

Будущее общества во многом зависит от того, как мы распорядимся историческим наследием, сохраним ли память о великих событиях прошлого или последнее превратим в прах. В современном мире резко возрастает острота «баталей за историю». Важнейшим способом познания прошлого является интерпретация истории, которая неразрывно связана с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно является мировоззрением, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит определение смыслов исторических событий. Более того, интерпретации прошлого неразрывно связаны с проводимой в стране политикой. Вот почему смена политических вех часто сопровождается сменой оценок исторических событий и эпох. Недаром, то ли в шутку, то ли всерьез,

говорят, что история в России непредсказуема. «Политики настолько вошли во вкус исторических перелицовок, что спорят даже о, казалось бы, давно устоявшихся оценках». [1] Сказанное особенно убедительно проявляется в оценке революционных событий 1917 г., которые неолиберальными политиками, историками, политологами объявляются нелегитимным большевистским переворотом. На наш взгляд, порой велик соблазн подменить объективный анализ определенных исторических событий оценочными характеристиками. Поскольку перевороту придается негативная окраска, а революции как прогрессивным переменам - положительная, то некоторые исследователи посредством термина «переворот» выказывают тем самым свое предвзятое отношение к реалиям прошлого. Пора научиться относиться к великим и трагичным событиям прошлого с должным уважением и перестать их рассматривать через призму идеологии.

В этой связи следует уточнить суть ключевых понятий.

Во-первых, когда речь идет о нелегитимности произошедшего, то надо различать понятия «легитимность» и «легальность». Любые революции (английская, французская и т.п.) были нелегальными, т.к. нарушали установившийся правовой порядок. Но если они были поддержаны народом, то, стало быть, были легитимными. В данном случае мы имеем дело с азбучными истинами политической науки.

Во-вторых, необходимо учитывать, что государственный переворот – это лишь смена политического режима, когда не затрагиваются базовые устои государства. Переворот совершается частью элиты, не имеющей значительных полномочий и влияния на принятие политических решений, но желающей повысить свой властный статус. Организаторы переворота ловко используют как предлог недовольство народа накопившимися проблемами, но не ставят задачу разрешения социальных противоречий, их действия не приводят к качественному скачку, переустройству общества. Парадоксально, что этимология понятия «революция» (от позднелат. *revolutio*) отсылает нас к значению «поворот, переворот». Вместе с тем содержание категории «революция» гораздо глубже и не тождественно перевороту. Революция означает не только изменение духовных, идеологических ценностей и приоритетов, но и широкомасштабную, коренную, качественную трансформацию всей системы общественных отношений: экономических, социальных, политических. Новый субъект власти не просто ломает старые порядки и сеет хаос, но оказывается способным к созиданию и управлению обществом нового типа, стабилизации жизнеустройства. Революция – не столько «таран» сложившихся устоев, сколько, по меткому замечанию К. Маркса, «локомотив», влекущий за собой глубокие общественные изменения. К тому же в революционные события вовлечены широкие народные массы, а не узкая группа политических сил, как при перевороте. В этом контексте и следует оценивать все то, что произошло в Октябре 1917 г. и последующие годы. (К слову, с этой же точки зрения следует давать и оценку так называемой «революции достоинства» в Украине.)

Некоторые авторы ссылаются на то, что В.И. Ленин в характеристике событий 25 октября 1917 г. употреблял наряду с «революцией» и категорию «переворот». Однако важно учитывать, что целью переворота является, как уже отмечалось, лишь насильственная, как правило, ротация во власти, смена методов осуществления власти. В данном же случае цель большевиков была иной: кардинальное изменение всей системы общественных отношений, всех сфер жизни общества. А это называется революцией. Вот как поэтично описал ее сущность А. Блок в работе «Интеллигенция и революция»: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым... Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но это называется революцией.

[...] Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о великом». [2]

Возникает вопрос: произошло ли впоследствии такое фундаментальное изменение? Ответ очевиден. Если бы не было всего того, что произошло после 25 октября 1917 г., то можно было бы говорить о государственном перевороте. Можно спорить о том, необходима ли была революция, какую роль она сыграла в жизни страны и мира в целом. Однако произошедшее в октябре и последующие события иначе как революцией назвать нельзя. Мы неслучайно указали на последующие события. Речь идет не только о социально-экономических преобразованиях, но и о последовавшей за Октябрем (пусть и не сразу) гражданской войне. На наш взгляд, ее следует рассматривать как составную часть революции. Это было формой острейшей классовой борьбы, когда решался вопрос «кто кого». Как нельзя французскую революцию, длившуюся 5 лет, свести к событиям 14 июля 1789 г., так и Октябрьскую революцию нельзя ограничить лишь 25 октября 1917 г.

В широком смысле революцию нельзя ограничить политической акцией: штурмом Бастилии, Зимнего дворца, казарм Монкада и т.д. Это всего лишь «выстрел», который вызывает сход лавины социальных потрясений Гражданская война — это составная часть революции. Если революцию объявить переворотом, который совершила горстка заговорщиков, тогда возникает резонный вопрос: почему большевики победили в гражданской войне? Они не смогли бы победить, если бы не было необходимых условий и предпосылок, которые были «созданы» неэффективной политикой правящего класса. Никакая финансовая помощь из-за границы и никакие импортные политтехнологии не могут привести к революции, если внутри страны нет предпосылок для социальных потрясений; искусственно спровоцировать революцию нельзя. Сегодня многие историки говорят о том, что большевики фактически развязали в стране гражданскую войну. Однако исторический опыт свидетельствует о том, что гражданские войны развязываются классами, потерявшими власть и общественные привилегии. Можно вспомнить хотя бы, из-за чего начинались гражданские войны в США, Испании. Так было и в России. Кстати в одной из своих работ Ленин в апреле 1918 г. отмечал, что гражданскую войну в России можно считать оконченной. А она между тем была еще впереди.

Наше видение произошедшего не исключает и того современного подхода исследователей российской истории, который рассматривает все события 1917 г. как единую российскую революцию. И в этом смысле Октябрь — это этап в генезисе данной революции, который привел к переустройству всего общественного организма. Историю следует понимать, а не мстить ей. Можно по-разному оценивать необходимость того, что произошло. Но здесь, как отмечал классик философской мысли, надо не плакать и не смеяться, надо понимать. Свершилось то, что свершилось: тектонический сдвиг в системе общественных отношений, который на протяжении практически всего XX столетия оказывал существенное влияние на всю систему международных отношений, а не только бывшего СССР.

Историческая память не может быть избирательной. Она призвана хранить все в полном объеме, а не выделять одно и умышленно замалчивать, фальсифицировать другое. Интерпретация истории является мощным средством реализации политических интересов управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [см. 3, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще

большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Список использованной литературы

1. Костиков, В. Ремонт истории / В. Костиков // *АиФ*. – 2016. – № 47. – С. 4.
2. Блок, А. Интеллигенция и революция / А. Блок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://e-libra.ru/read/324971-intelligentciya-i-revoljutyuciya.html> – Дата доступа : 17.12.2016
3. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАЕ ПРЫГРАНІЧЧА: ДА ПРАБЛЕМЫ АГУЛЬНЫХ РЫС КУЛЬТУРНАГА АРХЕТЫПА

*С.П. Кулік
г. Віцебск, ВДМУ
В.С. Сайганова
г. Мінск, БДУ*

Цель статьи – актуализация проблемы общих ценностных структур архетипа белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности.

Ключевые слова: культурный архетип, белорусская культура, русская культура, бинаризм и тернаризм, архетип восточно-славянской культуры.

Сённяшні час у развіцці сусветнай культуры азначаны ўзрастаннем працэсаў глабалізацыі, калі “граніцы, якія надае геаграфія сацыяльнай і культурнай прасторы, слабеюць, а людзі такое паслабленне ўсё больш усведамляюць” [1, с. 2–3], калі павышаецца ўзровень трансгранічных перамяшчэнняў, расце “транспарэнтнасць граніц” [2, с. 74–77].

Аднак, многімі даследчыкамі заўважана, што тэндэнцыя да агульнага міжнароднага стылю жыцця дапаўняецца магутнай супрацьдзеючай тэндэнцыяй – тэндэнцыяй да адраджэння і падтрымання нацыянальных культур. Фарміраванне глабальнага светаўспрымання, дастойны ўваход у адзіную, цэласную агульначалавечую культуру магчымы толькі на аснове “зберажэння ўласнай культурнай, нацыянальнай, рэлігійнай, моўнай і расавай самасвядомасці... Чым больш падобнымі становяцца нашы стылі жыцця, тым больш упарта мы прытрымліваемся глыбокіх каштоўнасцей, якія адлюстроўваюцца ў рэлігіі, мове, мастацтве і літаратуры. Па меры ўсё большага збліжэння нашых “знешніх светаў” мы ўсё больш цэнім тыя традыцыі, якія бяруць пачатак у нетрах нашага ўласнага свету” [3, с.120]. Дыялектычны тэзіс “адзінства праз многалікасць” сёння ўсё больш супрацьпастаўляецца ментальнасці “ашчасліўлення” чалавецтва з боку адной, альбо некалькіх, дзяржаў ці ідэалогій. Цікаўнасць да айчынай гісторыі, каштоўнасцей і сваеасаблівай нацыянальнай культуры зусім не супярэчыць, а, наадварот, садзейнічае разуменню агульных для чалавецтва інтарэсаў і мэт. Таму ўсебаковае даследаванне архетыпаў нацыянальных культур садзейнічае пошуку “агульнага”, як сярэдзіннага элемента ў супрацьлегласці “сваё – чужое”, што дэтэрмінуе сучасную і